
ПЛЮРИЛИНГВИЗМ КАК КОНСТИТУТИВНЫЙ ПРИЗНАК КОММУНИКАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Устинова Т. В.*

Статья вносит вклад в исследование изменяющейся сущности коммуникации в условиях глобализации. В фокусе внимания автора находится информационно-познавательная специфичность общения в глобальном мире, существенным свойством которого стало взаимодействие языков и культур. Автор исходит из того, что феномен плюрилингвизма требует научного осмысления в связи с изучением глобального мышления и способов эффективного решения коммуникативных задач в глобальном мире. Показано, что плюрилингвальная компетентность современного человека является его коммуникативным преимуществом, поскольку базируется на интегрированном репертуаре средств формирования и формулирования мысли, укорененных в нескольких языках и культурах. В статье обосновывается ключевая роль плюрилингвизма в развитии информационной метаграмотности человека глобального мира. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что плюрилингвизм как общественное явление и как индивидуальное достояние отдельной языковой личности изменяет не только формы информационного обмена в глобальном мире, но и само содержание коммуникации, интегрирующей картины мира, выраженные в языках и с помощью языков.

Ключевые слова: мировое сообщество, межкультурная коммуникация, межъязыковой перенос, социокультурная осознанность, интегрированный коммуникативный репертуар.

PLURILINGUALISM AS A CONSTITUTIVE FEATURE OF COMMUNICATION IN THE GLOBAL WORLD

The article contributes to the study of the changing nature of communication in the context of globalization. The author focuses on the information and cognitive specificity of communication in the global world, the essential property of which is the synergy of languages and cultures. The author proceeds from the fact that the phenomenon of plurilingualism requires conceptualization in terms of global thinking and effective accomplishment of communicative tasks in the global world. It is shown that the plurilingual competence of a language user is to be regarded as her/his communicative advantage, since it is based on an integrated repertoire of means of forming and formulating thoughts, rooted in several languages and cul-

* Устинова Татьяна Викторовна – д. ф. н., доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: utanja@mail.ru.

Tatiana V. Ustinova – Dr. Philol., Associate Professor of Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University. E-mail: utanja@mail.ru.

tures. The article substantiates the key role of plurilingualism in the development of informational metaliteracy of a person in the global world. The analysis carried out allows the author to conclude that plurilingualism as a social phenomenon and as an individual property of a language user changes not only the forms of information exchange in the global world, but also the very content of communication, integrating worldviews expressed in languages and with the help of languages.

Keywords: *world community, intercultural communication, interlanguage transfer, sociocultural awareness, integrated communicative repertoire.*

Глобализация как основное направление современного исторического развития меняет общественное мировоззрение и практики социальной коммуникации. Как указывает А. Н. Чумаков, «целостный взгляд на мир, глобальное мировоззрение и соответствующее им планетарное мышление сегодня обрели предельную актуальность» [Чумаков 2022: 4]. Глобальное мировоззрение требует соответствующих средств языкового воплощения и предполагает наличие у человека специальной готовности к межличностному обмену смыслами с учетом изменившейся природы коммуникации в информационной действительности. Новой ценностью глобального мира становится прагматическая коммуникативная компетентность¹ – готовность человека к эффективной организации речевого акта и успешному обмену сообщениями с коммуникантами, наделенными чрезвычайно разнообразными идейно-политическими, социокультурными и индивидуально-личностными характеристиками. Именно прагматические умения определяют готовность человека лингвистически опосредовать свои социальные отношения и достигать целей информационно-смыслового обмена на основе глубокого понимания экстралингвистического контекста коммуникации.

Несмотря на инертность общественного сознания, вызовы многоаспектной глобализации² ускоряют его адаптацию к новым условиям информационного обмена и коммуникации. Одним из признаков таких адаптационных изменений является распространение плюрилингвизма, который проявляет себя: (1) на уровне общественного сознания – как специфическая социально-коммуникативная практика обмена смыслами посредством параллельного и/или последовательного использования нескольких языков для достижения целей коммуникации; (2) на уровне отдельного говорящего – как индивидуальное коммуникативное достояние человека, опирающегося в решении коммуникативных задач на интегрированный репертуар средств формирования и формулирования мысли, укорененных в родном и иностранных языках, которыми владеет говорящий.

¹ Прилагательное «прагматический» в названии данного аспекта коммуникативной компетентности является отсылкой к такой области знания, как лингвистическая прагматика. В фокусе внимания лингвистической прагматики находятся вопросы отношения языковых знаков к говорящим – анализ явных и скрытых целей высказывания, смыслового восприятия подразумеваемых значений, стратегий речевого взаимодействия между коммуникантами, коммуникативной успешности говорящих и т. п.

² Подробнее о сущности глобального мышления и признаках его формирования на уровне общественного сознания см. в работах А. Н. Чумакова, например: [Чумаков 2022].

Сегодня плюрилингвизм является актуальной темой междисциплинарных исследований. Теория плюрилингвизма – это развивающаяся сфера научных разработок в рамках антропоцентрической парадигмы гуманитарного знания [Piccardo 2018; Vallejo, Dooly 2020]. Научное описание плюрилингвизма строится с опорой на положения, обоснованные с применением исследовательских инструментов лингвистики, социологии, психологии, педагогики и культурологии.

Исследования плюрилингвизма имеют давнюю традицию. Первые попытки научной концептуализации данного феномена начались более четверти века тому назад в связи с разработкой критериев владения родным языком и иностранными языками в условиях становления объединенной Европы. Далее узкоспециализированный лингводидактический ракурс исследований плюрилингвизма постепенно трансформировался в связи с развитием социолингвистических представлений о специфике коммуникации в глобальном мире. Стало понятно, что новая социальная реальность, построенная на гибко структурированных взаимодействиях акторов, принадлежащих к разным лингвокультурам, требует отказа от монолингвальной перспективы и установления плюрилингвального подхода в исследованиях природы коммуникации [CEFR 2020]. Кроме того, методы наук о коммуникации позволили более точно описать межкультурное взаимодействие, предполагающее наличие языкового посредника (медиатора), который задействует свой интегрированный коммуникативный ресурс, включающий знания, умения и опыт использования всех доступных ему языков и культур [Piccardo 2022]. Психолингвистика и когнитивная лингвистика внесли свой вклад в понимание плюрилингвального репертуара индивида как результата сложной совокупности межъязыковых и концептуальных переносов, затрагивающих все уровни строения речевой деятельности и ее предметное содержание [Kecskes 2010; Cook 2016].

Обратим внимание на основные положения теории плюрилингвизма, позволяющие раскрыть сущность данного явления с позиций (1) лингвистического опосредования познания и коммуникации в глобальном мире и (2) коммуникативной успешности отдельной языковой личности в современных условиях.

1. Плюрилингвизм: определение понятия и анализ основных проявлений

Языковая ситуация в современном мире такова, что количество двуязычных и многоязычных коммуникантов превышает количество монолингвов [Cook 2016]. Идеал владения иностранным языком «на уровне носителя» перестал быть релевантным для практики применения языков в глобальном мире. Среди требований к уровню владения языками (как родным, так и иностранным) на первое место вышли требования нахождения говорящим эффективных средств достижения целей коммуникации [CEFR 2020]. Сегодня многоязычный коммуникант использует **все** языки, находящиеся в его распоряжении, для получения доступа к информации, ее смысловой обработки и обмена сообщениями в условиях языкового и культурного разнообразия. Фонологическая, лексическая или грамматическая безупречность речи не является более самоцелью. Новая социальная и информационная реальность требует новых трактовок многоязычия с учетом динамики ком-

муникативных практик в глобальном мире и характерного для такого мира плюрализма способов информационного обмена.

Для описания текущей языковой ситуации лингвисты и социологи применяют множество терминов, содержащих корень *-лингвизм*: мультилингвизм/многоязычие (multilingualism), транслингвизм/трансьязычие (translanguaging), метролингвизм (metrolingualism), плюрилингвизм (plurilingualism), смешение языковых кодов (codemeshing) и др. [Marshall, Moore 2018]. Такое многообразие свидетельствует о сложности феномена многоязычия и необходимости терминологического выдвигания его отдельных характеристик. Традиционно термин «многоязычие» используется для описания такой ситуации, когда человек или группа людей владеет двумя³ и более языками и способен использовать любой из них для решения коммуникативной задачи. Употребляя данный термин, вы подразумеваете сам факт владения человеком (или сообществом людей) несколькими языковыми системами и обозначаете возможность потенциального использования одного из языков в различных сферах жизнедеятельности и разных ситуациях общения. В последнее время термин «многоязычие» все чаще употребляется в строгом смысле понятия для обозначения особой социальной ситуации, когда разные языки, находящиеся в распоряжении группы говорящих, используются в **определенной социальной функции** (*многоязычный социум, многоязычная страна, мультилингвальная среда в учебном заведении* и т. п.).

Как подчеркивает Э. Пиккардо, «ограниченность термина “многоязычие” становится очевидной в тех случаях, когда необходимо рассмотрение динамического аспекта использования языка, а также выявление холистической и гибридной природы языковых явлений и практик» [Piccardo 2018: 212]. Для понимания того, какой именно аспект в представлении многоязычия актуализируется посредством уточняющих терминов, важно знать их объем, содержание, общепринятый контекст употребления и в ряде случаев даже их идеологические коннотации⁴ [Marshall, Moore 2018]. Так, термин «плюрилингвизм» используется для обозначения **взаимосвязанности и взаимодействия языков** в обществе и/или в коммуникативном репертуаре отдельного индивида [Piccardo 2018]. Исследователям понадобился этот специальный термин, поскольку в его плане содержания такой семантический компонент, как синергия языков, является определяющим. К плюрилингвальным умениям относятся умения говорящего гибко адаптироваться к ситуациям использования разных языков, смешивать и переключать языковые коды, регулировать свою речь, ориентируясь на языковой бэкграунд других участников коммуникации [CEFR 2020]. Кроме того, плюрилингвальная компетентность человека проявляется в готовности менять языки при работе с информацией, например воспринимать текст на одном языке и далее обсуждать содержание текста на другом языке. Немаловажной частью плюрилингвальной компетентности является развитая метаязыковая рефлексия говорящего, позволяющая ему находить компенсаторные речезыковые средства для разрешения трудностей

³ В таком случае речь чаще всего идет о билингвизме.

⁴ Подробный разбор содержания данных понятий см., например: [Marshall, Moore 2018; Piccardo 2018; Vallejo, Dooly 2020].

в коммуникации именно за счет понимания сходств и различий в способах смысловыражения, заданных системами разных языков [CEFR 2020].

Такой подход к анализу плюрилингвальной компетентности человека базируется на современных научных представлениях о влиянии родного/первого языка и иностранного/второго языка на мышление субъектов речевой деятельности. Начиная с 90-х гг. XX в. мышление, опирающееся на два языка, принято рассматривать холистически, учитывая: (1) влияние языков друг на друга и наличие соответствующих межязыковых переносов (как положительных, так и отрицательных) на семантическом и концептуальном уровнях; (2) совокупное влияние языков, которыми владеет человек, на его когнитивную базу, то есть на хранящиеся в долговременной памяти структуры знания, представления и опыта [Kecskes 2010]. Экспериментально доказанным считается тот факт, что сознание многоязычного коммуниканта является функциональной системой, свойства которой не сводимы к сумме свойств первого (родного) и второго (иностранного) языков [Kecskes 2010; Cook 2016]. Языки не «хранятся» в ментальном лексиконе человека «в отдельных контейнерах». Они совокупно участвуют в процессе освоения человеком окружающей действительности. Изучение нового языка ведет не просто к овладению новыми концептуальными схемами дополнительно к уже имеющимся в распоряжении пользователя, но к трансформации всей системы средств языковой категоризации и концептуализации. Подобные эффекты усугубляются, если человек погружен в глобальную языковую среду, которая, как известно, отличается разнонаправленными тенденциями к языковой интеграции и лингвокультурному разнообразию.

Как отмечает Г. М. Вишневская, «языковая глобализация стала неотъемлемой частью интернационализации современного общества. Она представляет собой процесс активного взаимопроникновения языков в условиях доминирования одного из языков в качестве мирового» [Вишневская 2018: 41]. Распространение международного варианта английского как глобального языка оказало огромное влияние на формы существования всех других языков, включая языки межэтнического и межгосударственного общения. В условиях языковой глобализации знание языков-посредников фактически становится залогом социального выживания, а человек, умеющий извлекать все лучшее из диапазона коммуникативных средств, предоставляемых несколькими языками, получает неоспоримые социальные преимущества.

2. Плюрилингвизм и информационная метаграмотность человека в глобальном мире

Современные условия глобального мира диктуют необходимость формирования у коммуникантов нового вида грамотности – информационной метаграмотности [Mackey, Jacobson 2014; Witek, Grettano 2016] как способности к сознательной деятельности, направленной на познание окружающей действительности и удовлетворение коммуникативных потребностей на основе эффективного поиска, обработки, производства и обмена информацией. Т. Мейки и Т. Джейкобсон выделяют семь взаимосвязанных аспектов метаграмотности [Mackey, Jacobson 2014].

Предполагается, что коммуниканты должны: (1) понимать и использовать различные форматы распространения информации; (2) критически оценивать разнообразие и содержание обратной связи при обмене информацией; (3) осознавать контекстуальную обусловленность информации и распознать влияние широкого контекста на ее содержание; (4) критически оценивать содержание информации и использовать ее с учетом динамики изменения; (5) производить оригинальный информационный контент и представлять его в различных медиаформатах; (6) соблюдать информационную этику и права интеллектуальной собственности, уважать приватность и личное пространство при информационном обмене; (7) обмениваться информацией с соблюдением условий медиакommunikации и требований функционирования медиасообществ [Maskey, Jacobson 2014: 87–89].

В основе такой метаграмотности человека, живущего в глобальном мире, лежит коммуникативная компетентность и критическая осознанность стратегий информационно-познавательной деятельности [Устинова 2020]. Интегрированный коммуникативный репертуар, включающий знание нескольких языков и культур, делает человека более успешным в поиске и обработке информации, позволяя получать данные из более разнообразных источников и критически оценивать содержание информации с опорой на более глубокое понимание имплицатур дискурса и стратегий речевого воздействия. Большое значение имеет также способность человека разбираться в социокультурной специфике информационного обмена. Полученное в процессе изучения языков осознание социокультурной обусловленности коммуникации позволяет коммуникантам правильно интерпретировать широкий культурный контекст информационной деятельности и адаптировать свое коммуникативное поведение к этому контексту. Эта адаптация проявляется в адекватном применении социально и культурно обусловленных норм коммуникации (с опорой на знание таковых в родном и иностранном языках), а также в умении определять этнокультурные ценности и социальные роли производителей и потребителей информации.

3. Плюрилингвизм и развивающий потенциал изучения иностранных языков

В основе теории плюрилингвизма лежит положение о том, что язык является важнейшей категорией культуры. Сложные отношения языка и культуры отражены в официальном названии осваиваемого содержания знаний и способов деятельности коммуникантов в многоязычном обществе – «плюрилингвальная/плюрикультурная компетенция» [CEFR 2020]. Когнитивная база каждого человека является культурно маркированной и несет на себе отпечаток норм, стереотипов и представлений о способах обмена смыслами того лингвокультурного сообщества, в котором человек воспитывался. Изучение иностранного языка позволяет расширить взгляды человека на мир, предоставляя в распоряжение говорящего дополнительные средства смыслообразования и развивая в нем более глубокое понимание родной культуры на фоне знакомства с другой лингвокультурой.

Особо отметим роль отечественной лингводидактики в деле отстаивания важности овладения иностранными языками для когнитивного и социального разви-

тия человека. В основе отечественной лингводидактики всегда находилась концепция воспитательного и развивающего потенциала иностранного языка как учебного предмета. Языковое образование в России всегда ставило перед собой цели формирования «массового продуктивного многоязычия с учетом универсалий в системах языков разных групп» [Гальскова, Гез 2006: 43]. Школьное языковое образование в РФ, представленное такими предметными областями, как «Русский язык и литература», «Родной язык и литература», «Иностранный язык и литература», нацелено на приобщение обучающихся к достижениям родной и мировой культуры [ФГОС ООО]. В Федеральных государственных стандартах образования РФ заявлены высокие требования к предметным результатам обучения: в частности, изучающие иностранный язык должны быть способны «достигать взаимопонимания в процессе устного и письменного общения с носителями иностранного языка, людьми другой культуры, национальной и религиозной принадлежности на основе национальных ценностей современного российского общества: гуманистических и демократических ценностей, идей мира и взаимопонимания между народами, людьми разных культур» [Там же].

Практики межъязыкового и межкультурного сопоставления способствуют тому, что у обучающегося вырабатывается понимание различий в коммуникативно обусловленных способах речевого поведения, а также умение учитывать особенности культурных кодов в процессе коммуникации. Именно плюрилингвальный подход в языковом образовании позволяет овладеть перечисленными выше умениями с акцентом на понимании сходств и различий в разных лингвокультурах. Родная лингвокультура выступает ядром языковой личности человека, а приобщение к другим языкам и культурам делает структуру языковой личности более сложной и расширяет ее коммуникативно-деятельностные потребности.

Плюрилингвальный подход предполагает обеспечение обучающихся доступом к широкому спектру культурных концептов. При этом степень присвоения этих концептов может варьироваться в зависимости от целей коммуникации: «...необходимо исходить из принципа учета инофоном определенных категорий и моделей новой для него культуры и адекватного пользования ими, но не из обязательности их присвоения, не нужно стремиться к тому, чтобы они заняли место тех категорий и моделей, которые характерны для его родной культуры» [Гудков 2003: 88]. Особенно актуальным этот подход становится при изучении и использовании глобальных языков. В таком случае язык становится средством международного общения и позволяет успешно решать познавательные и коммуникативные задачи, однако речевая реализация такого языка-посредника зачастую несет в себе следы межъязыкового и межкультурного переноса. Подобная ситуация является вполне естественной в современных условиях: глобальный язык-посредник в таком случае выступает как компонент интегрированного коммуникативного ресурса, предоставляющего человеку дополнительный канал обработки информации и обеспечивающего дополнительные возможности в решении конкретных коммуникативных задач. Таким образом, обучение языкам должно развивать у человека гибкость в применении любых доступных ему средств речепроизводства/речевосприятия и соответствующую легкость в переключении языковых кодов

при работе с информацией разных видов. Для достижения этого необходим отказ от линейного видения процесса развития личности, приобщающей к другим языкам и культурам, и выдвижение особых образовательных потребностей личности с акцентом на возможности извлечения коммуникативных преимуществ из всех языков, поступающих в ее распоряжение.

Подводя итог описанию плюрилингвизма как явления глобального мира, отметим, что плюрилингвальные умения коммуникантов становятся незаменимыми в условиях, когда международное общение в личной и профессиональных сферах тесно переплетено с общением национальным. Плюрилингвизм позволяет человеку использовать преимущества нескольких систем мировидения, выраженные в языке и с помощью языка. Следствием трудоемкого процесса выстраивания собственного интегрированного репертуара средств общения становится более высокий уровень коммуникативной осознанности человека и, как результат, его лучшая приспособленность к коммуникативным условиям глобального мира.

Литература

Вишневская Г. М. Языковая глобализация и билингвизм: Status quo // Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации / под ред. В. В. Потапова, Е. А. Казак. М. : ИНИОН РАН, 2018. С. 41–60.

Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М. : Академия, 2006.

Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003.

Устинова Т. В. Коммуникативная компетентность как основа метаграмотности в информационном обществе // Язык и текст. 2020. Том 7. № 2. С. 71–80.

ФГОС ООО – Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/> (дата обращения: 09.09.2022).

Чумаков А. Н. Геосферное мышление как условие осознания целостности мира и предотвращения войны // Век глобализации. 2022. № 2. С. 3–18.

CEFR – Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion Volume. Strasbourg : Council of Europe, 2020.

Cook V. Premises of Multi-competence // The Cambridge Handbook of Linguistic Multi-competence / ed. by V. Cook, L. Wei. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. Pp. 1–25.

Kecskes I. Dual and Multilanguage Systems // International Journal of Multilingualism. 2010. Vol. 7. No. 2. Pp. 91–109.

Mackey T. P., Jacobson T. E. Metaliteracy: Reinventing Information Literacy to Empower Learners. Chicago : American Library Association, 2014.

Marshall S., Moore D. Plurilingualism Amid the Panoply of Lingualisms: Addressing Critiques and Misconceptions in Education // International Journal of Multilingualism. 2018. No. 15(1). Pp. 19–34.

Piccardo E. Plurilingualism: Vision, Conceptualization, and Practices // Handbook of Research and Practice in Heritage Language Education / ed. by P. P. Trifonas, T. Aravossitas. N. p. : Springer, 2018. Pp. 207–226.

Piccardo E. The Mediated Nature of Plurilingualism // The Routledge Handbook of Plurilingual Language Education / ed. by E. Piccardo, A. Germain-Rutherford, G. Lawrence. New York; London : Routledge, 2022. Pp. 65–81.

Vallejo C., Dooly M. Plurilingualism and Translanguaging: Emergent Approaches and Shared Concerns. Introduction to the Special Issue // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2020. No. 23(1). Pp. 1–16.

Witek D., Grettano T. Revisiting for Metaliteracy // Metaliteracy in Practice / ed. by T. E. Jacobson, T. P. Mackey. Chicago : American Library Association, 2016. Pp. 1–22.

References

Vishnevskaya G. M. Yazykovaya globalizatsiya i bilingvizm: Status quo [Language Globalization and Bilingualism: Status Quo] // Jazyk v global'nom kontekste: Sovremennaya yazykovaya situatsiya kak sledstviye protsessa globalizatsii [Language in the Global Context: The Current Language Situation as a Consequence of Globalization] / ed. by V. V. Potapov, E. A. Kazak. Moscow : INION, 2018. Pp. 41–60.

Galskova N. D., Gez N. I. Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika [The Theory of Teaching Foreign Languages]. Moscow : Akademia, 2006.

Gudkov D. B. Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow : Gnozis, 2003.

Ustinova T. V. Kommunikativnaya kompetentnost' kak osnova metagramotnosti v informatsionnom obshchestve [Communicative Competence as the Basis of the Digital Age Metaliteracy] // Language and Text. 2020. Vol. 7. No. 2. Pp. 71–80.

FGOS OOO – Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart osnovnogo obshchego obrazovaniya [Federal State Educational Standard of Secondary General Education]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/> (accessed: 09.09.2022).

Chumakov A. N. Geosfernoye myshleniye kak usloviye osoznaniya tselostnosti mira i predotvrashheniya voyny [Geospheric Thinking as a Prerequisite for Awareness of the Wholeness of the World and Prevention of War] // Vek globalizatsii. 2022. No. 2. Pp. 3–18.

CEFR – Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion Volume. Strasbourg : Council of Europe, 2020.

Cook V. Premises of Multi-competence // The Cambridge Handbook of Linguistic Multi-competence / ed. by V. Cook, L. Wei. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. Pp. 1–25.

Kecskes I. Dual and Multilanguage Systems // International Journal of Multilingualism. 2010. Vol. 7. No. 2. Pp. 91–109.

Mackey T. P., Jacobson T. E. Metaliteracy: Reinventing Information Literacy to Empower Learners. Chicago : American Library Association, 2014.

Marshall S., Moore D. Plurilingualism Amid the Panoply of Lingualisms: Addressing Critiques and Misconceptions in Education // International Journal of Multilingualism. 2018. No. 15(1). Pp. 19–34.

Piccardo E. Plurilingualism: Vision, Conceptualization, and Practices // Handbook of Research and Practice in Heritage Language Education / ed. by P. P. Trifonas, T. Aravossitas. N. p. : Springer, 2018. Pp. 207–226.

Piccardo E. The Mediated Nature of Plurilingualism // The Routledge Handbook of Plurilingual Language Education / ed. by E. Piccardo, A. Germain-Rutherford, G. Lawrence. New York; London : Routledge, 2022. Pp. 65–81.

Vallejo C., Dooly M. Plurilingualism and Translanguaging: Emergent Approaches and Shared Concerns. Introduction to the Special Issue // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2020. No. 23(1). Pp. 1–16.

Witek D., Grettano T. Revisiting for Metaliteracy // Metliteracy in Practice / ed. by T. E. Jacobson, T. P. Mackey. Chicago : American Library Association, 2016. Pp. 1–22.